

УДК 338.2
ББК 65.34.13
Ш-718

Ш-718 **Шмат В.В. Нефтегазовый цугцванг. Очерки экономических проблем российского нефтегазового сектора.** — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. — 505 с.

Книга очерков посвящена проблемам развития нефтегазового сектора как одной из главных частей российской экономики. Рассмотрены истоки возникновения множества непростых проблем, имеющих место в нефтегазовом секторе, в его отдельных отраслях и видах деятельности, в его взаимодействиях с нефтегазодобывающими регионами. Предпринята попытка проанализировать и объяснить противоречивые процессы, происходящие в нефтегазовом секторе, в контексте трансформации институциональной среды, становления и развития взаимоотношений между государством и бизнесом, федеральным центром и регионами.

Книга предназначена для специалистов по проблемам государственного регулирования, а также для всех тех, кто изучает экономические вопросы развития нефтегазового сектора и кто интересуется этими вопросами.

Текст электронного издания книги — в авторской редакции.

Об авторе

Шмат Владимир Витальевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН. В 1979 г. окончил Новосибирский государственный университет по специальности «экономическая кибернетика». В 2001 г. защитил диссертацию на тему «Оценка влияния нефтегазового сектора на социально-экономическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа». В 1979—1988 гг. работал в г. Тюмени: сначала — в территориальном отделе Института экономики, а затем — в Институте проблем освоения Севера СО РАН. С 1989 г. и до настоящего времени работает в Секторе экономических проблем развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) Института экономики СО РАН. На протяжении всей своей научной деятельности занимается исследованиями социально-экономических проблем развития нефтегазового сектора и его отдельных отраслей, нефтегазодобывающих регионов. Имеет более 140 научных публикаций, включая несколько монографий (в соавторстве), статьи в российских и зарубежных журналах, препринты, доклады и тезисы докладов научных конференций (список публикаций автора на веб-сайте института

- URL: [http://lib.ieie.nsc.ru/PubIEIE/Shmat_Vladimir_Vitalevich_\(k_e_n_\).htm](http://lib.ieie.nsc.ru/PubIEIE/Shmat_Vladimir_Vitalevich_(k_e_n_).htm).

Рецензенты: д.э.н. Князева И.В., д.э.н. Кравченко Н.А., д.э.н. Литвинцева Г.П.

ISBN 978-5-89665-271-7

Полная электронная копия издания расположена по адресу:

http://lib.ieie.su/docs/2013/Shmat2013_Neftegazovyj_Cugcvang.pdf

© Шмат В.В., 2013 г.

© ИЭОПП СО РАН, 2013 г.

В поисках сильного хода

В завершающей главе книги, любой научно-экономической публикации, обычно принято подводить итоги, формулировать выводы по рассмотренным вопросам, высказывать какие-то рекомендации и предложения, направленные на решение изученных проблем, на улучшение ситуации в экономике, в той или иной ее сфере. Автору не хотелось бы отступить от этой хорошей традиции, но проблемы в российском нефтегазовом секторе, — накопившиеся за долгие годы и постоянно возникающие сизнова, — слишком сложны и запутаны. Найти правильное решение представляется делом крайне нелегким; многие ходы изначально кажутся неудачными и отвергаются, а те действия, что поначалу выглядят верными и которым отдается предпочтение, на деле оказываются ошибочными и вызывают дальнейшее ухудшение ситуации, порою — плохо читаемое.

Это дает некоторое основание сравнивать нынешнюю ситуацию в российском нефтегазовом секторе с шахматным цугцвангом, т.е. такой расстановкой фигур, при которой каждый ход ведет лишь к ухудшению позиции. Другое обстоятельство, навевающее шахматные аналогии связано с тем, что современное развитие нефтегазового сектора фактически оказалось под влиянием двух сил — государства и бизнеса, — уподобляемых игрокам. В силу разных причин общество оказалось отстраненным от участия в процессе принятия решений, связанных с выбором путей и способов освоения наших нефтегазовых богатств, использования получаемых при этом выгод. Т.е. возможный в теории широкий конфликт интересов вокруг нефтегазового сектора свелся к «дуэли» государства и бизнеса. Участников поединка трудно назвать противниками в полном смысле слова, однако они — далеко не союзники, поскольку движимы различными, порою весьма противоречивыми, интересами.

«Нефтегазовые шахматы» очень специфичны. Судя по всему, партия может длиться столь долго, сколь будет сохраняться противостояние двух игроков, т.е. покуда в дело не вмешается третья сила — общество. Тогда на стыке многих интересов и мнений, может быть, получится найти правильное решение, которое существует. Объективно-правильные решения есть, но в условиях дуэльного противостояния они не рассматриваются игроками. Игроки к этому не готовы, поскольку требуется обоюдное и синхронное стремление к выходу из цугцванга и определенная дальновзоркость, т.е. умение просчитывать развитие партии на несколько, а то и на много, ходов вперед. Порою складывается впечатление, что каждая из сторон знает правильные хорошие ходы, которые могут вывести партию из тупика, но не решается их делать из опасений сыграть «в поддавки» с соперником. Любой ход ведет хотя бы к временному ослаблению собственной позиции, и каждый игрок боится, что соперник воспользуется этим для достижения своих сиюминутных выгод в ущерб фундаментальным долговременным выгодам, которые будут иметь место при переходе партии на более высокий уровень стратегического равновесия. Иными словами, цугцванг в партии между государством и бизнесом отражает отсутствие взаимного доверия, а может быть, отчасти является следствием такового.

Сложнейшие проблемы нефтегазового сектора возникли отнюдь не на пустом месте, а в немалой степени являются отражением и продолжением тех проблем, что присущи всей российской экономике. Можно сказать, что первые порождаются вторыми и наоборот. Поскольку между проблемами сектора и проблемами общеэкономическими существует сильная взаимосвязь, бессмысленно рассматривать подходы к решению тех и других независимо. Нельзя решить проблемы нефтегазового сектора, не решив проблемы более высокого порядка, и в то же время, если не разобраться с нашими нефтегазовыми проблемами, вряд ли удастся решить проблемы национальной экономики в целом. При этом весь ход развития отечественной экономики, включая нефтегазовый сектор, на протяжении последних без малого трех десятков лет неразрывно связан с ее институциональной

трансформацией, а понятия «развитие» и «реформирование» стали чуть ли не синонимами. Соответственно, когда говорится о развитии, о проблемах развития обычно подразумеваются проблемы реформирования и дальнейшей трансформации институтов с целью создания среды, благоприятствующей социально-экономическому росту.

Движение по пути реформ дается очень непросто. По большому счету, ситуация, сложившаяся в процессе экономического развития и реформирования, выглядит настолько «запущенной», что сегодня вряд ли кто может предложить целостную непротиворечивую парадигму или план действий, которые были бы способны вывести экономику страны и ее нефтегазовый сектор в «мейнстрим» полноценного развития. Едва ли не у всех и каждого — ученого, политика, государственного или общественного деятеля — есть идеи, соображения и даже детально разработанные рецепты решения отдельных проблем. Существуют разные, порою взаимоисключающие, видения общих контуров и эскизов того, что нам нужно, но, вероятно, никто не может предложить безоговорочно правильные и точные ходы, позволяющие прийти к желаемому состоянию, в их полной и логически обусловленной последовательности. В этом смысле автор не представляет собой исключение из общего правила и не претендует на исчерпывающее знание подходов к решению существующих проблем. Он всего лишь видит впереди «непечатый край» работы и готов указать на некоторые ключевые, по его мнению, принципы, которые должны соблюдаться при дальнейшем реформировании экономики и нефтегазового сектора.

Если принять за бесспорную истину, что российская экономика в своем развитии движется в направлении цивилизованного рынка, то первым ключевым принципом или необходимым условием решения поставленной задачи является **формирование конкурентной среды**, что в современных реалиях равнозначно **демонополизации** многих секторов (начиная с нефтегазового) и видов деятельности. Как бы мы ни ухищрялись в доказательствах целесообразности естественных монополий, нужности крупнейших корпораций, полезности концентрации ресурсов и капиталов «под крылом» двух—трех компаний с государственным участием, но не сможем опровергнуть простую истину, что именно конкуренция является главным двигателем прогресса. Без конкуренции невозможно полноценное технологическое развитие экономики, невозможно создание постоянно действующих мотиваций для сокращения издержек, которое в нефтегазовом секторе становится с каждым годом все более и более актуальным вследствие ухудшения естественных условий освоения ресурсов. Нельзя сказать, что в монопольных условиях рождение и распространение новых технологий, которые нам требуются, вообще невозможно, — вопрос заключается в цене: сколько должно заплатить общество, чтобы бизнес научился и захотел пользоваться достижениями такого прогресса?

Монополия является идеальной экономико-политической средой для погони за рентой и расцвета тех неблагоприятных явлений, с которыми обычно ассоциируется «ресурсное проклятие»: коррупцией, экономической преступностью, авторитаризмом властей и проч. Само по себе данное проклятие — это, скорее, миф, нежели действительная закономерность, что присутствует в развитии стран, обладающих крупными сырьевыми ресурсами. Однако все или многие негативные процессы и явления, которые ему приписываются, вполне реальны, хотя и вызваны совершенно иными причинами, нежели ресурсным изобилием. Если же говорить о России, то в качестве одной из таких причин можно назвать чрезмерную зависимость экономики и общества от государственно- и частномонополистических корпораций, доминирующих в нефтегазовом секторе, а не просто зависимость от добычи и экспорта углеводородов. Таким образом, усиление конкуренции и ослабление монополизма помимо прямых эффектов, которые выражаются в сокращении издержек производства и увеличении массы чистого дохода, могут принести косвенные выгоды, обусловленные сужением простора для всеобщего рентоориентированного поведения и оппортунизма крупных корпораций, — уменьшить потери общества при распределении и перераспределении дохода, генерируемого в процессе освоения ресурсов нефти и газа.

Впрочем, сказанное выше относится не только к нефтегазовому сектору и ресурсам углеводородного сырья, а ко всем секторам и видам экономической деятельности, ко всем видам природных ресурсов.

Экономическая политика государства, все решения и действия по реформированию институциональной среды обязательно должны опираться на принцип *прагматизма*, вытекающий из национальных интересов России. Декларируя свою самостоятельность в выборе курса развития, масштабов и форм участия в мирохозяйственных процессах, мы, тем не менее, постоянно оглядываемся то на Запад, то на Восток, опасаясь плохо выглядеть в глазах близких и дальних соседей и экономических партнеров. По сути же, не умея должным образом отстаивать свои интересы, мы слишком часто пытаемся сделать «хорошую мину при плохой игре».

Прагматизм, помимо всего прочего, заключается и в умелом использовании своих конкурентных преимуществ. У России к числу таковых относятся сравнительное изобилие и доступность энергоресурсов, нефти и газа — прежде всего. Но несмотря на это, мы пытаемся выстроить модель внутреннего рынка по образцу и подобию Западной Европы, «обездоленной» в энергетическом отношении. Слепо подчиняя процессы ценообразования на внутреннем рынке европейским, мы фактически убиваем собственные конкурентные преимущества в производстве многих видов экспортной продукции. Скажем, на рынке химикатов нам сегодня приходится конкурировать в основном не с Европой, а с азиатскими и ближневосточными странами, куда смещается вектор развития мирового «химпрома». Попутно следует добавить, что повышение косвенных налогов на нефтепродукты не только наносит удар по народному благосостоянию, уровень которого у нас значительно ниже, чем в Европе, но и подхлестывает нелегальное кустарное производство, выброс на рынок некачественной продукции и всяческих суррогатов.⁷⁰⁹

При решении многих задач экономического развития нам не обойтись без политики *разумного протекционизма*. Главные приоритеты России связаны с ослаблением сырьевой зависимости на основе кардинального подъема обрабатывающего, высокотехнологичного сектора экономики, включающего помимо всего прочего глубокую переработку углеводородов, а также множество отраслей и производств, которые образуют технологический базис освоения природных ресурсов. Не припоминается случаев, чтобы в современном мире задачи подобного типа и масштаба решались с упором на чисто рыночные механизмы, в рамках либеральных экономических моделей. В Японии, Корее, Китае, Бразилии и в других странах аналогичные процессы происходили и происходят при самом непосредственном участии государства. Причем государство выступает не только в роли координатора и главного субъекта планирования, но и защитника национального бизнеса от избыточной внешней конкуренции. К примеру, тот же Китай сегодня поощряет конкуренцию на внутреннем рынке, но отнюдь не допускает того, чтобы в важнейших отраслях экономики национальный бизнес вытеснялся иностранным.

Нужно признать, что в целом на зарубежных рынках конечной (в особенности — сложной и высокотехнологичной) продукции нас встречают неохотно, за исключением тех случаев, конечно, когда мы выступаем в роли покупателя. Само проникновение на эти рынки для отечественного бизнеса зачастую является крайне проблематичным без государственной поддержки, обеспечивающей не только достаточно высокую конкурентоспособность, но и саму возможность войти в рынок. Обратной стороной медали

⁷⁰⁹ По оценкам экспертов, ежегодно в России похищают свыше 5 млн т нефти. Нетрудно понять, что практически вся эта нефть перерабатывается в кустарных условиях с получением низкосортной продукции, которая выбрасывается на внутренний рынок. См.: Нефть в России стали воровать в промышленных масштабах // РБК — Экономика. — 28 янв. 2013 • URL: <http://top.rbc.ru/economics/28/01/2013/842358.shtml> [2013-06-15].

является зарубежная экспансия на российском рынке технологий, оборудования, промышленного инжиниринга, которая зримо просматривается во всех сложных видах деятельности, связанной с эксплуатацией ресурсов углеводородного сырья — будь то освоение месторождений Восточной Сибири или шельфа, производство СПГ, глубокая переработка нефти или нефтегазохимия. В вопросах технологического развития нефтегазового сектора, если мы не хотим навсегда остаться в зависимости от «заграницы», бизнесу требуется не просто поддержка государства, а во многих случаях — активный протекционизм. Ведь, в конечном счете, стратегические перспективы эффективного и устойчивого развития отечественного нефтегазового сектора будут определяться не тем, сколько нефти и газа мы сможем добывать и перерабатывать, сколько и какого качества продукции сможем производить и экспортировать, а тем, на каком технологическом базисе — национальном или иностранном — это будет делаться.

Государственный протекционизм необходим, но он должен сочетаться со всемерным развитием конкуренции на внутреннем рынке — во всех его сегментах, и со стороны предложения технологических факторов, и со стороны спроса на них. В противном случае протекционизм легко и быстро может выйти за рамки разумного, а поддержка государства превратится в создание тепличных условий и раздачу привилегий крупнейшим корпорациям, что мы наблюдаем сегодня на примере взаимоотношений между государством и ведущими госкомпаниями — «Газпромом» и «Роснефтью».

Наконец, мы должны вернуться к **планированию** экономического развития, исходя из довольно очевидной истины, что рынок не отменяет план, а предъявляет к нему свои специфические требования. Речь идет не просто о привычной уже разработке каких-то долгосрочных концепций, стратегий, разного рода целевых программ — не обязательных к выполнению и лишь рисующих желаемое будущее. Нужно возобновить рутинную работу по планированию экономики, опираясь на прежний советский и нынешний китайский опыт (критически переосмыслив, разумеется), с применением современных методологических подходов, программных и технических средств. Но прежде всего следует понять, какие планы нам нужны? По-видимому, планирование главным образом требуется при решении сложных многогранных задач, сопряженных с координацией деятельности большого числа участников, обязательным контролем издержек, гибким определением мер государственной поддержки, ведением постоянного мониторинга результатов. В методологии планирования необходимо найти наилучшее для наших условий сочетание индикативных и директивных подходов.

Существенная степень обязательности плановых решений неизбежна, поскольку доминантную роль в российском нефтегазовом секторе, а значит и во всей экономике, играют крупнейшие корпорации, склонные к монопольному типу поведения. Регулирование, основанное на методах «посыла сигналов» бизнесу и «создания условий», в таком случае почти не работает. Монополии не улавливают «слабые сигналы», а любые создаваемые государством «условия» пытаются трансформировать в привилегии. К тому же крупнейшие нефтегазовые компании по большинству являются государственными; и раз уж государство создало эти госкомпании — пусть работают по плану, нацеливаются на решение общенациональных задач и не пытаются уповать на свою «рыночность».

В итоге же необходимо создать наиболее подходящее для российских условий сочетание рынка, плана и администрирования, — а на основе этого мы должны построить **собственную модель развития национальной экономики** и нефтегазового сектора как составной части целого. Заимствование чужой модели (неважно: китайской, норвежской, американской, канадской или еще какой-нибудь), а тем более осколков разных моделей с попытками склеить их друг с другом, бессмысленны и опасны. Нужно копировать не чьи-то готовые решения и образцы, а хорошо зарекомендовавшие себя принципы, имеющие универсальное значение, и грамотно применять их при построении собственной национальной модели.

Данная задача окажется заведомо непосильной, если за ее решение браться порознь, когда одни будут предлагать одно, а другие — другое, когда не будет взаимного понимания между обществом, властью, бизнесом, наукой. И тысячу раз прав Д.И. Менделеев, писавший о необходимости объединения усилий, о «*согласном и решительно-благоразумном действии не только правительства, но и нас всех, всех от политиканов и газетчиков до учеников и ученых, даже до литераторов и аристократов...*». ⁷¹⁰ Без общественного согласия и участия, т.е. без перевода нынешнего противостояния между государством и бизнесом в формат широкого конфликта интересов, возможность построения собственной разумной модели экономического развития автору представляется маловероятной.

Двигаясь собственным путем, мы обязаны *избежать революций и резких переходов* от одного состояния к другому, метаний из стороны в сторону. Актуальность постепенной трансформации связана с тем, что сложные проблемы нефтегазового сектора и страхи, навеянные теорией «ресурсного проклятия», создают предпосылки для псевдонаучных и политических спекуляций по поводу сырьевой зависимости российской экономики и необходимости срочной смены курса, «большого скачка в сторону»: от сырья — к инновациям, от ресурсной экономики — к постиндустриальной. Дескать, сырьевая зависимость — это само по себе плохо, а раз уж нефти мало, то тем более. И пока не наступил крах, нужно немедленно менять приоритеты, загонять сырьевой «локомотив экономики» на «запасный путь» и быстро переходить на инновационный «магистральный путь» развития.

Что можно сказать по данному поводу?

Прежде всего, сырьевой является отнюдь не та экономика, которая производит много сырья или продукции горнодобывающей промышленности, а та, которая производит слишком мало обработанной продукции, т.е. располагает слишком слабым обрабатывающим сектором. К примеру, современные США, вряд ли уступают России по масштабам развития и объемам продукции минерально-сырьевого сектора, но ведь ни у кого не повернется язык назвать американскую экономику сырьевой. ⁷¹¹ Далее, постиндустриальная экономика — это, конечно, прекрасно, однако она может «родиться» только на основе мощного индустриально развитого хозяйства, когда промышленный рост перестает быть парадигмой развития по причине качественных изменений, происходящих в экономике и в обществе. Как известно из философии, количество переходит в качество. Промышленный рост на определенной стадии приводит к трансформации социально-экономических систем, вызывающей появление новых — более высоких и изощренных — потребностей и мотиваций к деятельности. В нашей же стране на протяжении последних 20-ти лет фактически происходил процесс деиндустриализации, наиболее сильно затронувший обрабатывающий сектор экономики. Но в современных условиях сырьевой сектор не может полноценно функционировать и развиваться без опоры на обрабатывающий сектор и на научно-технологическую сферу — тех частей экономики, в которых создаются технологии и оборудование и которые предъявляют спрос на сырье. Если такие взаимосвязи между секторами ослабевают, тогда и образуется злополучный сырьевой уклон, от которого мы хотим избавиться. Но если мы попытаемся сделать это слишком резко, то, не имея достаточно развитого и разностороннего обрабатывающего сектора промышленности,

⁷¹⁰ Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. — М.: Эксмо, 2008. — С. 357.

⁷¹¹ В 2010 г. Валовая добавленная стоимость минерально-сырьевого сектора (включая первичную обработку сырья) экономики США составила без малого триллион долларов в ценах по ППС, в России — 571 млрд долл. По обрабатывающему сектору (manufacturing) имели место следующие показатели: 1921 и 463 млрд долл., соответственно. — По данным статистики Всемирного банка: World Development Indicators, 2012. — The World Bank • URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>.

получим не «пост-», а «вместо»-индустриальную экономику, которая ничего не умеет производить и сможет существовать лишь благодаря импорту обработанной промышленной и прочей продукции.

Беда России не в том, что она богата своими недрами, а в том, что процесс освоения сырьевых богатств происходит в несовершенной институциональной среде, способствующей не развитию экономики и общества, а застою. Естественно задаться вопросом: резкая смена курса с рестрикцией сырьевого сектора сама по себе поможет улучшить качество институтов или нет? Скорее нет, чем да, что хорошо видно на примере наших ближайших соседей — Беларуси и Украины, — которые не столь щедро, как Россия, наделены сырьевыми ресурсами, но дела у которых идут ничуть не лучше, чем у нас. Конечно же, России нельзя отказываться от инновационного принципа в развитии экономики — и как раз во многом, из-за наличия мощного природно-сырьевого потенциала, для освоения которого требуются и сложные современные технологии и адекватные организационно-экономические решения. Сырьевой сектор уже сегодня генерирует немалый спрос на инновации, который в дальнейшем будет только возрастать. К сожалению, пока что этот спрос в слишком большой степени удовлетворяется за счет импорта. Нужно как можно полнее развернуть инновационный спрос сырьевого сектора в сторону отечественного производителя технологий и оборудования. Нужно превратить этот спрос в одну из основных предпосылок реиндустриализации страны — новой индустриализации на новой технологической основе. Нужно запустить множество цепных реакций типа «спрос на инновации — производство инноваций» и таким образом создать естественные условия для полноценной реализации мультипликативных эффектов при освоении сырьевых ресурсов.

Нужен тщательно обоснованный прагматичный курс экономического развития, объективно учитывающий наши сильные и слабые стороны. Нужно стремиться к синергии на основе сбалансированного роста сырьевого и обрабатывающего секторов экономики, ее инновационной сферы. Придерживаясь избранного курса и будучи уверенными в нем, нужно двигаться плавно, постепенно, но решительно и последовательно, без неоправданных зигзагов, остановок и отступлений. Нужно шаг за шагом приближаться к главной цели — построению современной сбалансированной экономики, — на каждом шагу создавая предпосылки для следующего шага, т.е. достижения той или иной промежуточной цели, решения конкретной задачи. Нужно проделать огромную кропотливую работу, но без этого можно даже не мечтать о выходе из того цугцванга, в котором мы оказались в настоящее время.

Автор рискует показаться фаталистом, но он твердо придерживается взгляда, что Россия обречена либо быть большой и сильной державой, либо не быть вообще. Третьего не дано. Но чтобы сделать правильный выбор в дилемме «*Быть или не быть?*», нужно заниматься не поиском доказательств своей державности, а последовательно создавать реальные предпосылки для ее утверждения. Главной такой предпосылкой, вне всяких сомнений, является эффективная и сбалансированная экономика, обеспечивающая высокий уровень доходов и качества жизни населения. Занимаясь же экономическим строительством, нужно избегать «легких путей», которые стали так привычны для нас — в равной мере нельзя впадать ни в крайний либерализм, всецело полагаясь на «невидимую руку рынка», ни в крайнюю надежду на способности и силу государства, которое, якобы, может все решить и все сделать. Оба эти пути, ведущие к пропасти, нам уже знакомы; в особенности хорошо известен второй, по которому мы двигались на протяжении многих десятилетий и с которого в начале 1990-х годов наивно попытались свернуть на первый.

Мы возомнили переход к рынку и реформирование хозяйственных отношений чуть ли не главной целью того, что нужно сделать в экономике. Дескать, если будет рынок, то у всех и вся появятся стимулы и мотивация к эффективной деятельности. Если появится класс частных собственников, то они будут заведомо более эффективными управителями в экономике, нежели государство и... Все проблемы «рассосутся» сами собой, а наша

экономика пойдет вперед «семимильными шагами». Увы, этого не произошло, да и не могло произойти. Либерализация хозяйственных отношений, переход к рынку сами по себе не могли и не могут быть целью преобразований. Это всего лишь инструмент или некая предпосылка, а еще точнее — первоначальный импульс для модернизации застопорившейся директивно-плановой экономики и обеспечения устойчивого экономического роста на новом базисе.

На словах мы декларируем стремление к модернизации, а на деле выявляется неясность или даже полное отсутствие внятно сформулированных, адекватных внутренним и внешним условиям, прагматичных целей развития и реформирования экономики. А если этого нет, если непонятно, зачем, что и как мы хотим модернизировать, то нет и стремления, нет воли к достижению заявленных целей. У правящей элиты нет должных мотиваций к успеху и прогрессу национальной экономики в целом и ее ключевых отраслей. Такая ситуация сложилась отнюдь не сегодня. Бесцельность — это общий дефект всех наших экономических реформ, проводимых уже без малого три десятилетия

Поэтому сегодня требуется *политическая воля* для того, чтобы внести серьезные коррективы в процессы экономических преобразований. Было бы крайне наивным полагать, что реформы в российской экономике уже закончились, что мы перешли к рынку и теперь остается только регулировать и подстраиваться под изменяющиеся обстоятельства. Целенаправленные преобразования, ведущие к построению современной во всех отношениях (структурном, технологическом, институциональном, социальном) экономики у нас еще и не начинались. *Пора начинать, ибо время работает против нас!*

Одна из главных сложностей состоит в том, что действительные реформы, которые нам нужны, будут непопулярны среди крупнейших корпораций. Мы привыкли к тезису о непопулярности многих рыночных реформ в глазах населения страны, но такой взгляд изжил себя, поскольку население уже сполна «расплатилось за рынок» и значительная часть этой платы обернулась выгодами нынешних «флагманов» российской экономики. Автор совершенно далек от мысли о «раскулачивании» газпромов, роснефтей, лукойлов и иже с ними. Нужно хотя бы прекратить раздачу привилегий и приступить к формированию настоящей конкурентной среды, в которой крупнейшим компаниям будет затруднительно получать монопольные выгоды и придется всерьез побеспокоиться о сокращении своих издержек и о благе потребителей, а значит и о благе всей страны. В этом видятся и начальные ходы, позволяющие выбраться из малоприятного «нефтегазового цугцванга», и самые неотложные шаги в общем процессе дальнейших экономических преобразований, которые связаны с выбором пути развития на основе собственной прагматичной модели, обеспечивающей защиту национальных интересов и нацеленной на максимизацию национальных выгод.